

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА

Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология»

2014. Т. 7. С. 37–53

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

*Иркутского
государственного
университета*

УДК 903.09

К вопросу о специфике костяных и роговых орудий в качестве археологических источников

А. Н. Сорокин

Институт археологии РАН

Аннотация. Очерк содержит характеристику особенностей изделий из кости и рога в качестве археологических источников. В отличие от каменных орудий главная специфика изделий из органических материалов состоит в их природе, степени сохранности и мерной запрограммированности. Доминантная мерная природно-функциональная обусловленность формы костяных и роговых артефактов неизбежно довлеет над похожестью артефактов и коллекций, придает им несвойственное «культурное» содержание, определяет естественное, а не культурное сходство внутри одинаковых типов костяных и роговых орудий между собой. Одновременно производится попытка выделения культурно значимых признаков, определяющих особенность артефактов из органических веществ в качестве археологических источников.

Ключевые слова: археологические источники, органические материалы, костяные орудия, роговые орудия, археологическая культура, мерная запрограммированность, культурные различия.

Вступление

Несмотря на наличие монографических публикаций с описаниями изделий из кости и рога, сама их специфика в качестве археологических источников до сих пор предметно в отечественной литературе не обсуждалась*. Это тем более удивительно, что фундаментальное значение орудий из органических материалов признается в настоящее время практически всеми. Разумеется, наивно полагать, что в одной статье можно полноценно и в одинаковой степени затронуть все сюжеты, связанные с темой археологического источниковедения, особенно, когда речь идет о журнальном объеме. Неудивительно и то, что в силу моей специализации статья касается прежде всего финаль-

* Сказанное не означает, что этим я пытаюсь умалить достоинства работ С. А. Семенова, Г. В. Коробковой, М. Д. Гвоздовер, З. А. Абрамовой, Е. В. Щелинского, А. К. Филиппова, А. Д. Столяра, В. Е. Ларичева, Е. Ю. Гири, Г. А. Хлопачева, Н. Б. Ахметгалеевой, как и многих других отечественных исследователей, однако совершенно очевидно, что речь в них идет о технологии обработки кости и рога, экспериментальном моделировании, публикациях массовых и неординарных материалов, семантике артефактов или особенностях изобразительных (знаковых) систем, а никак не о специфике этих материалов в качестве археологических источников.

нопалеолитических и мезолитических артефактов, а прочие сюжеты присутствуют лишь как фоновые. Не вызывает, однако, сомнения тот факт, что время для рассмотрения данной проблемы вполне созрело. В таком ключе и следует рассматривать эту работу.

Органические и каменные артефакты: общее и особенное

Прежде всего логично рассмотреть сырьевую специфику костяных и роговых орудий на фоне изделий из камня, как наиболее изученной категории археологических источников, и лишь затем обратиться к источниковедческой специфике этих материалов. Не вызывает сомнения, что радикальное отличие в костяном/роговом сырье, с одной стороны, и каменном – с другой, заключается в самой их природе: первое из них органическое, второе – минеральное. Все остальные различия, которые имеются между ними, – это структура, твердость, пластичность, вязкость, упругость, механические и физические свойства и пр., – производные. Отсюда их разное потенциальное назначение, производственное использование и способы обработки.

Таким образом, главное источниковедческое отличие органических и минеральных природных материалов состоит в брэнности одного из них и вещной нетленности другого. Разумеется, орудия часто были составными и состояли не только из одних каменных лезвий, а имели еще деревянные и костяные рукояти или оправы, где закреплялись каменные вкладыши. Несмотря на это, утрата оправ и рукоятей в информационном плане менее чувствительна и микролиты не перестают быть микролитами, назначение которых в качестве вкладышей понятно и без использования трасологических методов. Резцы, ножи, сверла или скребки без рукоятей также не перестают узнаваться, и их функциональное назначение понятно даже начинающему исследователю. А вот утеря части рукояти или оправы обычно не позволяет определить точное назначение обломка или восстановить кинематику целого орудия, а значит, и конкретную форму того или иного костяного или деревянного изделия. Например, потеря насада не позволяет отличать гарпун от зубчатого острия; фрагменты оправ клевцов, копий, кинжалов или вкладышевых острий и других орудий «обезличиваются». Говоря иначе, с утратой части костяного или рогового предмета обычно теряется вся форма и, следовательно, его назначение, в результате и в информационном отношении они оказываются существенно уязвимее.

Кость и рог весьма чувствительны к кислой и щелочной средам, и почти не переносят обезвоживания. Да и влажная среда, изобилующая бактериями, тоже не для них. Они ненавидят аэрацию, пульсирующее обводнение и чрезвычайно восприимчивы к различным окислительно-восстановительным процессам. В результате, если они и уцелевают и доходят до рук археолога, то это сродни чуду. Практика показала, что в условиях Заболотского торфяника, где последние годы приходилось работать автору [Сорокин, 2009; 2011; 2013], процессы болотного оруденения приводят к реальному замещению органики окислами железа. В итоге вместо погребений мы наблюдаем брекчии железа, в которых фрагментарно присутствуют человеческие останки.

Если бы это касалось только одного Заболотского торфяника, однако это происходит в сходных условиях повсеместно и болотное железо осаживается не только на таких природных объектах, как корни растений или деревьев, но и на всех артефактах, костяках и фауне. Если на каменных изделиях в итоге возникает минимум визуально значимых следов и деформаций (а железистую оболочку можно удалить без повреждения самого предмета), то органика не просто обильно обволакивается ржавчиной, но постепенно ею замещается, причем, как правило, с полной утратой первоначальной формы. Это приводит к практической потере самого предмета, и лишь по косвенным признакам можно изредка догадываться о его былом присутствии или судить о неординарном назначении очередной вскрытой ямы. Чуть лучше изделия из кости и рога переносят воздействие карбонатов. Известны случаи, когда кальцитовые пленки закупоривают их как в коконе, где они могут сохраняться бесконечно долго. В этой связи достаточно вспомнить, например, находки из Дагестанских олованских стоянок [Амирханов, 2007]. К сожалению, далеко не всякая реставрация позволяет их извлечь потом оттуда целыми.

В отличие от камня, единственным источником костяного и рогового сырья служат животные, точнее, виды, доминирующие в конкретной экологической нише. А европейская фауна, как известно, отличается от африканской или австралийской, но не в пределах конкретных подзон Евразии. Отсюда в глобальном плане разнятся и наборы, которые достаются в распоряжение человека за пределами конкретного материка, но не внутри него, разумеется, если речь идет о памятниках одной и той же природной подзоны. Более того, костяное и роговое сырье, в отличие от каменного, мобильно. Если местонахождения и месторождения камня вечны, неизменны и практически неисчерпаемы, то животные подвержены сезонной цикличности и экологической динамике. Кроме того, они смертны и в связи с природными катаклизмами может радикально изменяться видовой состав животного мира. Достаточно вспомнить хотя бы исчезновение мамонтовой фауны [Эволюция экосистем ... , 2008]. Еще одной немаловажной особенностью костяного и рогового сырья является то, что его можно рассматривать как своеобразное звено в пищевой цепочке. Ведь прежде чем стать орудием, кость и рог в качестве скелетной основы живых существ бывают объектом охоты, а став добычей – и продуктом питания. И лишь затем из них при необходимости что-то изготавливают. Причем наличие мамонтовых и других естественных кладбищ сути дела не меняет.

Впрочем, кость – это не только неременное звено пищевой цепочки, но еще и топливо, поделочный и строительный материал, а часто еще и потенциальная заготовка для различных музыкальных инструментов. Мир звуков археологически мало уловим, однако исключать его на этом основании из жизни первобытного человека было бы неразумно. Так, можно сомневаться в деталях, но отрицать присутствие флейт, манков и даже ударных инструментов в Мезине [Бибиков, 1981] нелепо. Значит, надо искать способы корректного извлечения подобной информации. А вот извлекать музыкальные звуки из камня ни при каком условии не удастся.

Использование костей для забутовки ям известно по литературе. Так ли дело обстояло на самом деле или это модернизация при реконструкции, сказать определенно нельзя, ибо чрезвычайно скуден состав наших интерпретаций и, тем более, фактологический набор. Не исключено использование для забутовки и каменных изделий, однако здесь стандартный стереотип археологической интерпретации состоит в отнесении подобных скоплений к «кладам» и кенотафам [Цветкова, 1957; 1975].

В то же самое время присутствует значительная серия костей, практически не используемых в производстве или используемых в минимальной степени (тазовые, кости черепа, позвонки, ключицы, фаланги и др.). Правда, некоторые из них годились в строительном деле, использовались в качестве топлива или при отправлении обрядовых процедур, т. е. тоже могли быть частью экономического и бытового уклада. Что, впрочем, не говорит об их орудийном использовании.

Каменные наконечники стрел на пластинах всегда асимметричны и тоньше в сечении, чем костяные. Как правило, в первом случае – это трапеция, во втором – круг или овал, реже – прямоугольник или треугольник. Однако использование фрагментов костей с естественными ребрами жесткости позволяет изготавливать костяные острия существенно грацильнее каменных бифасов. Кость и рог значительно проще орнаментировать. Неудивительно, что изображения присутствуют на значительном количестве костяных и роговых мезолитических изделий.

Часть типов можно было изготавливать из неорганического и органического сырья (вспомним хотя бы скребки, рубящие орудия, клевцы, наконечники стрел и копий, ножи, отбойники, посредники, проколки), но далеко не все. Например, каменных игольников, как и разбивальников не бывает. В то же время невозможно представить костяной или роговой абразив или резец. Таким образом, характер сырья прямо сказывается на типологическом составе инвентаря.

Из кости эпизодически добывают мозг, изредка это приводит к возникновению археологических казусов, как всем известные «коробочки», получившие свое наименование по ошибке за формальное сходство с емкостью [Rust, 1937]. Правда, имеются упоминания о находках в таких полостях охры или мелких предметов [Ошибкина, 1983; 1997], но каждый такой случай требует проверки на достоверность и исключение случаев постдепозиционных трансформаций.

Камень всегда только сырье. Редким исключением здесь служат культовые предметы как подвески и чуринги. Они хорошо известны, в том числе и по заболотским материалам [Лозовский, 1997]. Иное дело кость – она еще и продукт питания, точнее это неотъемлемое и заключительное звено в пищевой цепочке. И в этом их принципиальная разница. Причем в пищу шли не только костный мозг или отвар, но в голодное время и костная мука. Из нее же могли приготавливать и клей. В палеолите кости животных (в отличие от камня) широко использовались в строительных конструкциях [Пидопличко, 1969]. Разумеется, при возведении построек могли использовать кости пав-

ших и полностью разложившихся животных, однако для изготовления орудий предпочтение всегда отдавалось свежезаготовленному сырью, как более пластичному и легче поддающемуся обработке. Исключением служит мамонтовый бивень, сохранность и сохранение свойств которого в вечной мерзлоте вызывает законное удивление [Питулько, 1998; Хлопачев, Гирия, 2010].

Таким образом, при сравнительной твердости кость и рог отличаются от камня пластичностью и вязкостью, они легче поддаются обработке, включая пилку, резку, рубку, скобление и шлифовку. А вот оббивке и ретушированию они подвергались в минимальной степени и (за исключением бивня) практически не использовались в технологии нуклеуса.

Из кости, рога и камня можно изготовить инструменты для обработки друг друга, но возможности здесь разные, ибо у них не только разная природа, но и изотропные свойства. Нет необходимости перечислять технологические приемы обработки того и другого. Упомяну лишь наиболее важные особенности. Специфика технологии обработки кости и рога состоит в рубке, резке, пилке, строгании, вымачивании. Специфика технологии обработки камня – ударная техника, отжимное расщепление и технология нуклеуса.

Общие приемы: оббивка, ретуширование, пиление, сверление и абразивная обработка. При этом первые два для обработки кости скорее исключение, чем правило. В любом случае, однако, история кости и рога столь же длинна, как и у камня, но, к глубокому сожалению, существенно лакунарнее.

О культурных и некультурных признаках

Теперь вернемся к менее общим проблемам и коснемся одного частного, тем не менее, вполне актуального вопроса в рамках конкретной темы, такого, как мерные показатели. Здесь необходимо высказать краткое, но важное предположение: сходство изделий по мерным признакам неизбежно. Оно обусловлено стандартными размерами исходного сырья, а не культурными нормами и предпочтениями. Немаловажно и то, что сломанные орудия либо выбрасывались, либо из обломка изготавливалось точно такое же изделие, но меньшее по размеру. Также поступали и в случаях затупливания лезвий. Вот почему разные пропорции костяных орудий скорее говорят об их износе, чем о культурных различиях артефактов. Необходимо признать и то, что значительная часть набора, такая как скребки из нижних челюстей бобра, «коробочки», роговые вставки рубящих орудий, струги или шилья из тонких трубчатых костей с сохранившимися эпифизами и многое другое, вообще не несут, судя по всему, никакой культурной информации. Это же в значительной степени относится и ко всем «готовым» артефактам – резцам лося, клыкам медведя, кабана и пр., использовавшимся в виде подвесок и имеющим минимум обработки.

Кость и рог имеют выраженные мерные ограничения, зато камень практически безразмерен, особенно в сравнении с габаритами изготавливаемых из него изделий, а параметры последних ограничены лишь модой (типом) и особенностями конкретных видов сырья. Правда, и с камнем порою бывают известные казусы. В Посожье, например, весьма широко распространена мел-

кая кремневая галька, и все артефакты, изготовленные из нее, небольшие по размерам, практически микролитовидные, вне зависимости от культурной принадлежности материалов [Копытин, 1977; 1990; 1992; 2000]. Это относится даже к свидерским древностям, что достаточно удивительно, ибо источники хорошего сырья были известны и не столь далеки. Тем не менее, никакого шоколадного свидерского кремня в инвентаре посожских стоянок нет и в помине, а сами свидерские «мерные стереотипы» на территории Верхнего Поднепровья не действуют.

Возможно, связано это с тем, что камень тяжел, а человек достаточно неприхотлив, поэтому предпочитает довольствоваться имеющимися ресурсами, даже когда они далеко не лучшего качества или привычного размера. В результате археология чрезвычайно редко показывает примеры, когда качественное сырье переносится из мест добычи на значительные расстояния. Но есть и они. Например, в свидерской культуре маршруты переноски качественного фиолетового кремня из Силезских гор на равнину составляли около 600–650 км [Сулгостовска, 2001]. А на Дальнем Востоке зафиксировано перемещение обсидиана на расстояние порядка 500–1000 км [Кузьмин, Попов, Гласкок, 2010]. Чаще всего, однако, если что-то и транспортируется, то не в виде желваков, а уже готовых нуклеусов, сколов-заготовок и оформленных изделий. Аналогичные факты достоверно зарегистрированы Б. Гордоном для мезолита Республики Коми. Он установил перемещения преформ с территории Тиманского кряжа вплоть до Заполярной тундры на севере [Gordon, 1997], а это около 1000 км. Тем не менее, подобные случаи чрезвычайно редки, чтобы не сказать уникальны. И чаще бывает так, что при всех видимых изъянах качество и габариты «местного» каменного сырья оказываются в конечном итоге вполне удовлетворительными, причем неприхотливость человека играет в этом свою решающую роль.

Совсем иное дело рост животных, который жестко зависит от видовых и половозрастных особенностей. Можно смело утверждать, что кость и рог не просто имеют четкие мерные ограничения, но и далеко не все части скелета представляют практический интерес в качестве потенциальных заготовок. Как отмечалось, позвонки, пяточные кости, ключицы и фаланги абсолютно бесперспективны в этом отношении и, напротив, трубчатые кости, ребра, лопатки, рога весьма выигрышны и наиболее часто служили в качестве заготовок [Антипина, 2000; 2004; Добровольская, 2012]. При этом наблюдается четкая специализация и «типологические предпочтения». В результате из целого ряда костей изготавливается один и тот же типологический набор изделий. Да и было бы удивительно, если бы дело обстояло иным образом. Кроме того, грацильность костей и рогов требовала минимума вторичной обработки, что также оказывалось немаловажным при их использовании в качестве сырья. Неудивительно поэтому, что отростки рогов использовались стандартно в качестве ретушеров или вставок ударных и рубящих орудий, нижние челюсти бобров – в качестве скребков, резцов и узких стамесок, а длинные и прочные трубчатые кости конечностей на удивление подходят для изготовления из них стрелкового колющего и ударного вооружения.

Сам процесс изготовления орудий в значительной степени диктовался характером исходного сырья и этологией двух главных промысловых видов лесной зоны Евразии в голоцене – лося и бобра. И, вообще, фауна имеет обыкновение быть одинаковой на огромных евразийских просторах, в границах одних и тех же природных зон. В результате выбор древнего населения был одинаков на огромных территориях вне конкретного места обитания той или иной популяции. Хотя известные предпочтения могли, разумеется, различаться. Тем не менее, это никак не умаляет доминирующей роли основных (в конкретном случае) для лесной зоны фоновых видов. А значит, неизбежно на территории лесной зоны Северной Евразии основной орудийный набор складывался из двух доминантных животных (лося и бобра) и стереотипов стандартного использования природной формы костей и рогов вне зависимости от культурных предпочтений конкретных групп населения.

Еще одной особенностью органической сырьевой базы было то, что сам ее характер и конкретные габариты определяли в значительной мере минимизацию вторичной обработки. Впрочем, это качество вообще относится к сырью, добываемому из всех видов животных, а не только к фоновым видам конкретной территории. Говоря другими словами, это атрибут органического сырья. В результате основная масса изделий (наконечники копий, рогатин и острог, орудия с углом заострения 45° , рубящие изделия, шилья-проколки и т. д.) лишь в минимальной степени подвергались вторичной обработке в пределах их боевых концов и зубцов. А некоторые кости и рога вообще не требовали вмешательства и использовались в первозданном виде. В максимальной степени формообразование характерно лишь для пяти категорий изделий – наконечников стрел, зубчатых острий, ножей из лопаток лося, копий и кинжалов. Среди них действительно прослеживается определенное стремление к изготовлению вполне конкретных форм орудий. Впрочем, и их обработка существенно отличается от той, которой подвергались каменные изделия.

В отличие от камня, стандартно представленного в трех ипостасях – валун, желвак или плитка, кости обладают значительным морфологическим разнообразием, причем отдельные части скелета практически несопоставимы друг с другом. Характеристики ребер, лопаток, тазовых костей, костей конечностей, черепа и прочего не просто существенно отличаются друг от друга, но в конечном итоге их различие неизбежно должно было вести к функционально-видовой специализации, которая также не зависела по обыкновению от культурной доминанты. Например, из ребер и лопаток вне зависимости от носителей тех или иных индустрий изготавливались ножи и струги, реже скребки; из диафизов длинных костей – наконечники стрел, копий, рогатин, симметричные и асимметричные острия, зубчатые острия, тесла и долота. А вот из костей с эпифизами – ударные инструменты; из рогов – вставки рубящих орудий и муфты, отбойники и ретушеры; из клыков медведя – подвески и ретушеры; из нижних челюстей бобра – скребки по шкурам, узкие стамески и т. д. При этом немаловажно, что муфты, ретушеры, отбойники, колотушки, скребки из бобриных челюстей, ретушеры из медвежьих клыков и многое другое не имеют культурной специфики. Они, будучи инст-

рументами, либо вообще лишены преднамеренной вторичной обработки, либо ограничиваются ее минимумом, либо имеют исключительно следы сработанности, не изменяющие морфологии самих заготовок. К ним в совокупности применим термин: орудия (изделия) с естественной морфологией.

Немаловажно и то, что мерная заданность разных частей скелета животного программирует и максимальные размеры стандартных форм изделий, производимых из конкретных костей. Например, целый наконечник копья в Манино 2 имеет близкую к максимуму длину – 29,5 см [Сорокин, 2009, с. 90], а другой экземпляр, фрагментированный с острия и насада, потенциально никак не мог превышать 32–35 см в длину, ибо это максимальные габариты диафизов метаподий взрослого лося [Сорокин, 2013, с. 176, 177].

Исходя из всего вышесказанного несложно прийти к одному парадоксальному, но неизбежному выводу. Учитывая известную мерную запрограммированность кости и рога, линейные признаки изделий из них можно отнести к разряду внекультурных. В силу естественной формы и потенциальной (стандартной) функции многие категории орудий, как игловидные или веретенообразные наконечники, шилья с эпифизами из костей птиц и мелких млекопитающих, скребки из нижней челюстей бобра, подвески из резцов и клыков животных, ретушеры, вставки топоров и тесел из отростков рога и некоторые другие, вряд ли целесообразно отождествлять с культурными показателями. А вот пазовые орудия, сложносоставные формы, фигурные и орнаментированные изделия никак не могут быть внекультурными. Культурную нагрузку несут и знаки, наносившиеся на костяные и роговые орудия, однако их семантика нам пока совершенно недоступна. Все вышесказанное относится в значительной мере к природной составляющей костяного и рогового инвентаря. Теперь несколько слов о способах его классификации.

Классификационные и культурные составляющие

Наиболее известные классификации костяных и роговых мезолитических орудий предложены Г. Д. Кларком [Clark, 1936], Н. Н. Гуриной [1956, с. 63–158; 1991], С. В. Ошибкиной [1997, с. 69–99] и М. Г. Жилиным [2001, с. 55–190]. Одна из первых принадлежит Г. Д. Кларку и включает 25 типов изделий. Несмотря на значительный срок, прошедший с момента ее публикации, она не утратила своего значения до сих пор и широко используется западноевропейскими исследователями. Все прочие оказались более частными и региональными, и редко используются кем-либо, помимо самих авторов, предложивших их.

Наиболее развернутой выглядит классификация, разработанная М. Г. Жилиным [2001]. Мне уже приходилось высказываться по части ее слабых сторон [Сорокин, 2008, с. 60–62]. Тем не менее, несмотря на это, есть веское основание, заставляющее учитывать ее в конкретном исследовании, ибо по широте территориального охвата памятников и обсуждаемых изделий данная не очень удачная публикация в максимальной степени суммировала имеющиеся на начало XXI столетия восточноевропейские материалы.

Если судить в целом, один из главных недостатков этой работы – отсутствие описания материалов по отдельным коллекциям. Отсутствие описания орудий по разным памятникам и избранная М. Г. Жилиным суммарная подача данных реально смазали всю картину и не позволяют корректно сравнивать комплексы друг с другом. В результате ему не только не удалось вычлениить специфику материалов разных культур и динамику их развития, но и вообще определить масштабы сходства, а тем более выявить их культурные различия.

Не вызывает сомнения, что М. Г. Жилиным была впервые предпринята попытка систематизации значительной категории археологических находок из органических материалов для памятников территории Восточной Европы, предложена их классификация, рассмотрена технология изготовления и функциональное назначение изделий. Попытался он оценить и культурную дифференциацию материалов. Тем не менее в этой работе нет главного – анализа и сравнения комплексов. В результате она вызывает больше вопросов, чем в ней дано ответов. Не вдаваясь в частности и мелкие погрешности, а также в низкие полиграфические качества издания, хочу отметить следующее. В отечественную науку впервые вводился в таком объеме фактически новый вид археологических источников. Значит, требовалось оценить его специфику в этом качестве. Увы, такого вопроса у М. Г. Жилина, к сожалению, даже не возникло, а ведь изделия из кости и рога, как показано выше, совсем не одно и то же, что находки из камня, с которым чаще всего сталкивается исследователь при изучении эпохи мезолита. И дело не только в разном характере сохранности этих материалов, но, прежде всего, в их разных технологических, функциональных и культурных характеристиках. Не вызывает сомнения, что в ряде случаев общность формы и стоящего за этим «сходства» костяного и рогового инвентаря запрограммирована особенностью самого сырья и технологией его обработки, а не традициями населения. Но эта тема тоже осталась вне рассматриваемой работы М. Г. Жилина.

Поскольку главная задача конкретной статьи состоит в попытке осмысления источниковедческих возможностей указанных видов органического сырья, которая производится через критическое источниковедение, это объясняет, почему книга М. Г. Жилина, вышедшая еще в 2001 г. представляет в данном отношении исключительный интерес. С одной стороны, в ней изложен традиционный (стандартный) подход, с другой – потому, что он представлен в концентрированном виде и, наконец, с третьей – в ней как нигде отразились пороки подобного подхода. Необходимо учитывать и тот факт, что за последние 13 лет ничего равного в этом отношении в отечественной литературе издано не было, что оправдывает мое обращение именно к ней. В связи с этим замечу, что речь вовсе не идет о критике ради критики, напротив, она состоит в другом: определении источниковедческих возможностей артефактов из кости и рога. Иначе говоря, о том, что можно извлекать из них, а чего нет, т. е. содержательности информации и какая доля в ней относится к культурной. При традиционном подходе (без оценки природных составляющих сырья) любая похожесть провозглашается культурным признаком, что представляется глубоко ошибочно. Именно этим и страдает работа

М. Г. Жилина [2001], где, как отмечено выше, в концентрированном виде проявилась эта стандартная для современной науки и, тем не менее, неверная точка зрения.

Совершенно очевидно, если что-то за последние 25–30 лет радикального и произошло в первобытной археологии, так это разработка принципов пространственного распределения, методики геоархеологии и критического источниковедения, т. е. всего того, чего лишена практическая деятельность М. Г. Жилина, и чему ни в малой степени не отвечает его книга.

Не ставит М. Г. Жилин и вопроса о соотношении ареалов каменной и костяной индустрий. Точнее, при культурной атрибуции органических материалов он исходит из существующих региональных схем, разработанных ранее по каменному инвентарю. А это неверно. Хорошо известно, что практически все волго-окские мезолитические культуры в орудийном наборе нечетки [Сорокин, 1990; 2008; Кравцов, Сорокин, 1991], причем одна и та же коллекция одними и теми же авторами может относиться то к одной, то к другой культуре. Укажу лишь на огромную коллекцию стоянки Култино 1, состоящую из 38699 каменных изделий, которая сначала была отнесена Л. В. Кольцовым и М. Г. Жилиным по единственному топору с перехватом к иеневской культуре, а чуть позднее, ими же – «к функционально-специализированным памятникам (охотничьим лагерям) бутовской культуры» [Кольцов, Жилин, 1999, с. 18]. Остается непонятным, как можно назвать охотничьим лагерем памятник, число изделий на котором превосходит все вместе взятые базовые стоянки так называемой бутовской культуры. Что же касается соотношения ареалов костяной и каменной индустрии между собой, то, чтобы убедиться в их несовпадении, достаточно взглянуть на карты, приведенные хотя бы в монографии В. Тауте [Taute, 1968]. Не вызывает сомнения, что анализ этого несоответствия может привести к важным теоретическим и практическим выводам.

Механическое объединение разнородных материалов локальных регионов по каменному инвентарю в так называемую бутовскую, иеневскую или кундскую культуры автоматически приводит к тому, что и изделия из органических материалов, приписываемые им, точно также смешиваются и становятся безликими. Полагаю, прежде чем судить о сходстве или различиях костяных и роговых изделий, надо четко разобраться, какие памятники относятся к каждой из перечисленных культур, а какие – нет? Например, относится ли стоянка Пулли к кундской культуре или вместе с другими пребореальными стоянками Прибалтики она не имеет к ней отношения [Sorokin, 1999; Ostrauskas, 2002; 2006]? И что из так называемых бутовских или иеневских стоянок имеет общие признаки, а какие к ним не имеют ни малейшего отношения, ибо резко отличаются своим набором [Сорокин, 1990; Сорокин, Ошибкина, Трусков, 2009]? Совершенно очевидно, если четко выделять культуроопределяющие типы, тогда вместе с отсортированными аморфными и смешанными коллекциями отпадет и кажущаяся общность территорий, а заодно и этническая близость жившего на них населения.

Напомню, что в работе М. Г. Жилина учтено порядка 12 000 орудий на 32 памятниках [Жилин, 2001, с. 32], это означает, что в среднем присутствует 375 предметов на объекте. Если исключить из общего массива 5649 подвесок из резцов лося, происходящих из Оленеостровского могильника [Жилин, 2001, с. 29], то получаем менее 200 костяных и роговых изделий на памятник. А если вспомнить, что Веретье 1 дало около 2000 орудий из кости и рога [Ошибкина, 1997; 2006], Озерки 5 – 1001 изделие [Жилин, 2006] и Замостье 2 – 1327 [Лозовский, 2008], то в среднем на каждый из оставшихся памятников придется порядка 70 предметов с вторичной обработкой. Разумеется, подобные цифры не идут ни в какое сравнение с числом каменных орудий, найденных там же. Тем не менее, эта усредненная цифра, впрочем, как и весь озвученный «массив», красноречиво указывают на реальный объем и число имеющихся ныне органических объектов. И не считаться с этим нельзя.

Если, однако, эту среднюю цифру сопоставить с количеством вариантов орудий (свыше 300), выделенных М. Г. Жилиным [2001], то не получится и одного предмета на каждый из них, что никак не прибавляет его классификации достоверности. Совершенно очевидно, что нецелесообразно выделение узких кинжалов или стилетов, «толстых» и «тонких» острий и т. д. Использование им единственного мерного признака ничего не добавляет, а, напротив, лишь все запутывает. Введение кривых изделий – и здесь можно согласиться с В. В. Сидоровым [2002] – также неуместно, ибо говорит лишь о степени их сохранности и фактах постпозиционной деформации, а никак не о культурной специфике инвентаря. Да и ряд других типов, сопряженных с мерными показателями, только запутывают все и смазывают реальную картину.

При анализе таблиц хорошо видно, что многие предлагаемые М. Г. Жилиным варианты есть на ранних и поздних памятниках, но отсутствуют на промежуточных [Жилин, 2001, с. 218-266], чего в принципе быть не может. Это просто нереально и объясняется исключительно малочисленностью коллекций и характером их сохранности. Варианты, предложенные М. Г. Жилиным, чересчур дробны и мелки для аналитики, а сведение их к типам вообще нивелирует всякую специфику материалов и тоже ничего положительного не дает. Более того, попытка сравнения коллекций, используемых автором для построения периодизации и хронологии, с помощью элементарного показателя [Каменецкий, Маршак, Шер, 1975, с. 50] однозначно демонстрирует отсутствие значимых связей между ними. Значит, вывод об их сходстве, озвученный М. Г. Жилиным, является явным преувеличением.

Важно и то, что если проводить сравнение на уровне категорий, то наблюдается их тождество. Но говорит ли это тождество о культурном единстве самих материалов? Вовсе нет, ибо, как и в каменном инвентаре, наличие в коллекциях нуклеусов, сколов-заготовок, отходов производства и стандартного набора орудий (скребков, резцов, ножей, скобелей, острий, наконечников, рубящих и пр.) совсем не означает однокультурность стоянок, откуда они происходят. Вот почему присутствие костяных проколов, скребков из челюстей бобра, крючков, гарпунов или острий еще само по себе ни о чем не говорит. Несмотря на категориальное тождество, типологический набор ар-

тефактов в сравниваемых коллекциях, точнее то, как выглядят конкретные типы изделий и как они украшены, может радикально различаться. В этом и состоит, судя по всему, проявление их культурной специфики. Тогда как одинаковый категориальный набор инвентаря есть следствие функционального единообразия археологических объектов или, говоря другими словами, типов памятников (базовых стоянок, сезонных стоянок, стоянок-мастерских, охотничьих лагерей, мест забоя животных и т. д.).

Уверен, классификации и периодизации археологических материалов – не самоцель. Главное состоит в том, что и те, и другие должны быть работающими. И те, и другие нужны для выявления реальных связей индустрий и, в конечном счете, родства популяций, их оставивших. Следовательно, при выделении типов и их вариантов необходимо исходить из принципа разумной достаточности. Только это может позволить сделать не схему ради схемы, а реально «работающие инструменты» для установления объективной истории древнего населения. Количество, если и переходит в качество, то никак не в конкретном случае. Следует признать, что классификация и хронология восточно-европейских древностей, предложенные М. Г. Жилиным, явно не работающие. Они не выдерживают элементарной проверки. И ярким подтверждением тому являются фоновые, точнее нулевые, показатели сходства коллекций, используемых М. Г. Жилиным при сравнительном анализе. Вот почему его утверждение: «Сопоставление технологии обработки кости и рога в культурах лесной зоны Восточной Европы показывает значительную близость культур кунда, веретье и бутовской. На позднем этапе отмечается определенная близость к ним Оленеостровского могильника» [Жилин, 2001, с. 302] не выдерживает критики. Напротив, достоверного анализа изделий из органических материалов, характерных для этих культур, им не произведено. Совершенно очевидно и другое: реальная работа по выделению культуроопределяющих типов и выяснению особенностей всех этих культур еще впереди.

Если взвесить основу вывода М. Г. Жилина о сходстве вышеназванных культур, то станет понятным, что за ним стоит естественная схожесть орудий, изготовленных из органических материалов, из-за их мерности и зависимости формы от природных габаритов и пропорций. Вот почему основной вывод автора о том, что «прослеженная общность костяной индустрии говорит о несомненной принадлежности названных культур (кунда, веретье, бутовская и Оленеостровский могильник – А. С.) к единой культурной общности, которую можно назвать кундско-бутовской», [Жилин, 2001, с. 302] представляется совершенно необоснованным.

К этому можно добавить лишь то, что если изначально нет четкой культурной атрибуции коллекций по каменному инвентарю, и их признаки аморфны, а это относится практически ко всем восточноевропейским мезолитическим стоянкам, то культурное разделение их по костяному и роговому набору невозможно в принципе. Этого не позволяет пока имеющийся массив информации. Данное обстоятельство, вопреки написанному М. Г. Жилиным, и было со всей очевидностью им продемонстрировано. Изделия из органических материалов чересчур хрупки, чтобы подходить к ним с заранее готовыми

ми решениями, схемами и штампами. Совсем не лишне напомнить и то, что совместное нахождение изделий разных культур чаще всего служит результатом их механического смешения, а никак не продуктом метисации населения, их производившего [Сорокин, 2000; 2001; 2002]. Это означает, что впереди большая и сложная работа по разработке характеристик и реальному различению всех вышеназванных культур, сначала по каменному инвентарю, а затем – по костяному и роговому.

Вместо заключения

Нет сомнения, что органические материалы – это своеобразный вид археологических источников, специфику и «культурное» содержание которых еще предстоит в значительной мере прояснить. При этом совершенно не обязательно, что культурные ареалы, выделяемые по каменному инвентарю, будут совпадать с теми, которые очерчиваются по костяному или роговому набору [Taute, 1968; Kozłowski J., Kozłowski S., 1975; Galiński, 1997]. В самом деле, даже отрешившись от того обстоятельства, что изделия из органических материалов сохраняются далеко не везде, отчего их ареалы не служат «проекцией на карту» каменных индустрий, их распределение в пространстве во многом зависит не только от культурных традиций населения, но и от функциональной специализации памятников. И можно утверждать, как и в случаях с каменными изделиями, что составы базовых стоянок, мастерских и охотничьих лагерей будут различаться принципиально [Ларичева, 1976; Ларичева, 1986].

Добавлю, что сходство культур кундской, так называемой бутовской и культуры веретье, провозглашенное М. Г. Жилиным [2001, с. 302], иллюзорно, и оно никак не учитывает естественной составляющей в морфологии костяных и роговых орудий. Изучение коллекций показывает, что похожесть внутри типов изделий из органических материалов в значительной мере вызвана природной формой самих заготовок, традиционно используемых для тех или иных артефактов. Люди, живущие в естественной среде, имеют реальные и вполне практические навыки. Отсюда неизбежно и то, что они при их стремлении к минимализму на генетическом уровне усваивают, вырабатывают и передают взаимозависимость природной формы костяной заготовки и ее «орудийного содержания». Причем никакой культурной близости за этим не стоит. Поскольку в форме многих костей запрограммирована их потенциальная «орудийная функция», то сделанные из одних и тех же заготовок орудия будут неизбежно похожи друг на друга вне зависимости от того, кто их изготавливает. Эта природно-функциональная обусловленность сходства костяных и роговых артефактов будет неизбежно довлеть над похожестью коллекций. Придавать им несвойственное «культурное» содержание. Сказанное со всей очевидностью приводит к выводу о доминантной природно-функциональной обусловленности естественного, а не культурного сходства костяных и роговых орудий между собой. Следовательно, культурно значимым будет отнюдь не сам набор изделий и даже не всегда технология их производства (набор приемов обработки кости и рога не очень велик), а особенности формы, степень и характер использования вторичной обработки при

изготовлении тех или иных орудий, особые стилистические приемы оформления и орнаментика. И наконец, необходимо еще учитывать особые технологические приемы и операции, которые эпизодически могли возникать в разных сообществах.

Изделия из кости и рога на финальнопалеолитических и мезолитических памятниках по-прежнему уникальны, и предстоит еще длительная кропотливая работа, прежде чем они станут полноценными археологическими источниками.

Список литературы

Амирханов Х. А. Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе (предварительные результаты) / Х. А. Амирханов. – М. : Таус, 2007. – 52 с.

Антипина Е. Е. Проблемы обработки и интерпретации археозоологических материалов из памятников скифского времени на территории Северного Причерноморья / Е. Е. Антипина // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология / отв. ред. В. И. Гуляев, В. С. Ольховский. – М., 2000. – С. 80–86.

Антипина Е. Е. Археозоологические материалы / Е. Е. Антипина // Каргалы. Т. 3. Селище Горный. Археологические материалы. Технология горно-металлургического производства: археологические исследования / отв. ред. Е. Н. Черных. – М., 2004. – С. 182–239.

Бибиков С. Н. Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта. Очерк материальной и духовной культуры палеолитического человека / С. Н. Бибиков. – Киев : Наукова думка, 1981. – 108 с.

Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник / Н. Н. Гурина // МИА. – 1956. – № 47. – 432 с.

Гурина Н. Н. Некоторые общие вопросы изучения древнего рыболовства и морского промысла на территории СССР / Н. Н. Гурина // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы / отв. ред. Н. Н. Гурина. – Л., 1991. – С. 5–24.

Добровольская Е. В. Животные Минино 2 / Е. В. Добровольская // Первобытные древности Евразии: к 60-летию Алексея Николаевича Сорокина / отв. ред. С. В. Ошибкина. – М., 2012. – С. 299–306.

Жилин М. Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы / М. Г. Жилин. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 328 с.

Жилин М. Г. Мезолитические торфяниковые памятники Тверского Поволжья: культурное своеобразие и адаптация населения / М. Г. Жилин. – М. : Издат. дом «Лира», 2006. – 140 с.

Каменецкий И. С. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода) / И. С. Каменецкий, Б. И. Маршак, Я. А. Шер. – М. : Наука, 1975. – 172 с.

Кольцов Л. В. Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры) / Л. В. Кольцов, М. Г. Жилин. – М. : Наука, 1999. – 157 с.

Копытин В. Ф. Мезолит Юго-Восточной Белоруссии / В. Ф. Копытин // КСИА. – 1977. – Вып. 149. – С. 60–66.

Копытин В. Ф. Каменный век на территории Белоруссии / В. Ф. Копытин. – Минск, 1990. – 96 с.

Копытин В. Ф. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья / В. Ф. Копытин. – Могилев, 1992. – 86 с.

- Копытин В. Ф.* У истоков гренской культуры. Боровка / В. Ф. Копытин. Могилев : Изд-во МГУ им. А. А. Кулешова, 2000. – 144 с.
- Кравцов А. Е.* Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита / А. Е. Кравцов, А. Н. Сорокин. – М. : ИА АН СССР, 1991. – 66 с.
- Кузьмин Я. В.* Источники археологического обсидиана на юге Дальнего Востока России: пример междисциплинарного исследования / Я. В. Кузьмин, В. К. Попов, М. Д. Гласкок // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / отв. ред. И. С. Каменецкий, А. Н. Сорокин. – М., 2010. – С. 263–275.
- Ларичева И. П.* Палеоиндейские культуры Северной Америки: Проблема взаимоотношений древних культур Старого и Нового Света / И. П. Ларичева. – Новосибирск : Наука, 1976. – 230 с.
- Ларичева И. П.* Мезоиндейские культуры Северной Америки. Культура плано / И. П. Ларичева. – Новосибирск : Наука, 1986. – 223 с.
- Лозовский В. М.* Искусство мезолита – раннего неолита Волго-Окского междуречья (по материалам стоянки Замостье 2) / В. М. Лозовский // Древности Залесского края : материалы к Междунар. конференции «Каменный век Европейских равнин». – Сергиев Посад, 1997. – С. 33–51.
- Лозовский В. М.* Изделия из кости и рога мезолитических слоев стоянки Замостье 2 / В. М. Лозовский // Человек, адаптация, культура / отв. ред. А. Н. Сорокин. – М., 2008. – С. 200–222.
- Ошибкина С. В.* Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья / С. В. Ошибкина. – М. : Наука, 1983. – 296 с.
- Ошибкина С. В.* Веретье 1. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы / С. В. Ошибкина. – М. : Наука, 1997. – 204 с.
- Ошибкина С. В.* Мезолит Восточного Прионежья: культура веретье / С. В. Ошибкина. – М. : Гриф и К, 2006. – 324 с.
- Сидоров В. В.* Рец.: «М. Г. Жилин. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 326 с.» / В. В. Сидоров // РА. – 2002. – № 3. – С. 162–164.
- Пидопличко И. Г.* Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине / И. Г. Пидопличко. – Киев : Наукова думка, 1969. – 164 с.
- Питулько В. В.* Жоховская стоянка / В. В. Питулько. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1998. – 187 с.
- Сорокин А. Н.* Бутовская мезолитическая культура (по материалам Деснинской экспедиции) / А. Н. Сорокин. – М. : ИА АН СССР, 1990. – 220 с.
- Сорокин А. Н.* Парадоксы источниковедения мезолита Восточной Европы / А. Н. Сорокин // Тверской археол. сб. – 2000. – Вып. 4, т. 1. – С. 37–48.
- Сорокин А. Н.* Проблемы источниковедения мезолита Восточной Европы / А. Н. Сорокин // Практика и теория археологических исследований : тр. отдела ранних раскопок / отв. ред. А. С. Смирнов. – М., 2001. – С. 4–30.
- Сорокин А. Н.* Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы / А. Н. Сорокин. – М. : Наука, 2002. – 251 с.
- Сорокин А. Н.* Мезолитоведение Поочья / А. Н. Сорокин. – М. : Гриф и К, 2008. – 216 с.
- Сорокин А. Н.* Заболотский торфяник: находки и проблемы / А. Н. Сорокин // Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия / отв. ред. Н. А. Макаров. – М., 2009. – С. 82–94.
- Сорокин А. Н.* Стоянка и могильник Минино 2 в Подмосковье / А. Н. Сорокин. – М. : Гриф и К, 2011. – 264 с.

Сорокин А. Н. Стоянка и могильник Минино 2 в Подмоскowie: костяной и роговой инвентарь [Электронный ресурс] / А. Н. Сорокин URL: http://archaeolog.ru/media/books_2013/Sorokin.pdf.

Сорокин А. Н. На переломе эпох / А. Н. Сорокин, С. В. Ошибкина, А. В. Трусов. – М. : Гриф и К, 2009. – 388 с.

Сулгостовска З. Поселенческая модель финального палеолита, мазовецкие кремневые мастерские и обитаемые стоянки / З. Сулгостовска // Материалы международной конференции «Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». Сергиев Посад, 1–5 июля 1997 г. – Сергиев Посад, 2001. – С. 90–98.

Хлопачев Г. А. Секреты древних косторезов Восточной Европы и Сибири: приёмы обработки бивня мамонта и рога северного оленя в каменном веке (по археологическим и экспериментальным данным) / Г. А. Хлопачев, Е. Ю. Гиря. – СПб. : Наука, 2010. – 144 с.

Цветкова И. К. Волосовский клад / И. К. Цветкова // Тр. ГИМ. – Вып. 23. – М., 1957. – 50 с.

Цветкова И. К. Ритуальные «клады» стоянки Володары / И. К. Цветкова // Памятники древнейшей истории Евразии. – М., 1975. – С. 102–111.

Эволюция экосистем Европы при переходе от плейстоцена к голоцену (24–8 тыс. л. н.) / отв. ред. А. К. Маркова, Т. ванн Кольфсхотен. – М. : Товарищество научных изданий КМК, 2008. – С. 556.

Clark J. G. D. The Mesolithic Settlement of Northern Europe: A Study of Food-Gathering Peoples of Northern Europe during the Early Post-Glacial Period / J. G. D. Clark. – Cambridge : Cambridge University Press, 1936. – 285 p.

Galiński T. Mezolit Europy. Szczecin: Widanye 1 / T. Galiński. – Druk : Drukarnia ZAPOL, 1997. – 259 p.

Gordon B. The Enigma of the Far Northeast European Mesolithic: Reindeer Herd Followers or Semi-sedentary Hunters? / B. Gordon. – Toronto : Toronto University Press, 1997. – 286 p.

Kozłowski J. K. Pradzieje Europy od XL do IV tysiąclecia p. n.e. / J. K. Kozłowski, S. K. Kozłowski. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1975. – 504 p.

Ostrauskas T. Kundos kulturos tyrinejimu problematika / T. Ostrauskas // Lietuvos archeologija. – 2002. – Т. 23. – P. 93–106.

Ostrauskas T. On the Genesis of Kunda Culture. A. Sorokin's hypothesis. Comment / T. Ostrauskas // Archeologia Baltica. – 2006. – Vol. 6. – P. 198–203.

Rust A. Das Altsteinzeitliche Reitierjager lager Meiendorf / A. Rust. – Neumunster, 1937.

Sorokin A. N. On the problem of influence of Volga-Oka Mesolithic to the origin of Kunda culture / A. N. Sorokin // L'Europe des derniers chasseurs: Épipaléolithique et Mésolithique. Actes du 5-e colloque international UISPP, commission XII, Grenoble, 18–23 Septembre 1995 / ed. P. Bintz, A. Thévenin. – Paris : Éditions du CTHS, 1999. – P. 425–428.

Taute W. Die Stielspitzen-Gruppen im nördlichen Mitteleuropa. Ein Beitrag zur Kenntnis der späten Altsteinzeit / W. Taute // Fundamenta. Reihe A. Band 5. – Köln, Graz : Böhlau, 1968. – 516 p.

The Question of the Specificity of Bone and Horn Tools as Archaeological Sources

A. N. Sorokin

Abstract. The article describes the features of the bone and antler artifacts of the final Paleolithic and Mesolithic complexes of European Russia as the archaeological sources. Unlike stone tools the main specificity of organic artifacts is its nature, degree of preservation and dimensional pre-programming. The dominant dimensional natural functional conditionality of the form of bone and horn artifacts inevitably dominates the similarity of artifacts and collections, gives them an uncharacteristic "cultural" content, and defines natural, not cultural similarities of the same types of bone and horn tools together. In some cases, the community of forms and this "similarity" of bone and horn tools is due to the feature of the raw materials and the technology of its processing, not the traditions of the population. At the same time we are trying to identify cultural significant signs that determine the feature of the organic artifacts as archaeological sources. Set of tools and its manufacturing technology (set of processing methods of bone and horn is not very large) are not culturally significant, the feature shape, degree and nature of the use of secondary processing in the manufacture of certain tools, special stylistic decoration methods and ornamentation have a paramount importance.

Keywords: archaeological sources, organic materials, bone tools, horn instruments, archaeological culture, measuring the programming, cultural differences.

Сорокин Алексей Николаевич

доктор исторических наук
ведущий научный сотрудник,
Институт археологии РАН
117036, Россия, г. Москва,
ул. Дм. Ульянова, 19
тел.: 8(499)126-87-17
e-mail: ansorokin@rambler.ru

Sorokin Aleksey Nikolaevich

Doctor of Sciences (History)
Leading Researcher,
Institute of Archaeology RAS
19, Dm. Ulianova st., Moscow,
Russia, 117036
tel.: 8(499)126-87-17
e-mail: ansorokin@rambler.ru